

Е. В. Наседкина

**Андрей Белый: трансформация образа в восприятии современников
(портреты, шаржи, пародии)**

Выполнено по материалам Российской научной конференции «Творческая личность – 2014: поступок и образ»

Образ писателя-символиста Андрея Белого изменялся в восприятии современников с начала XX в. до 1930-х гг. В данной статье рассматриваются разные образы Андрея Белого, отразившиеся в портретах писателя, выполненных художниками Л. С. Бакстом, С. М. Городецким, Е. С. Кругликовой, К. С. Петровым-Водкиным, а также в критике. На первых портретах 1905 и 1906 гг. Белый изображен как знаменитый писатель-символист (художник Л. С. Бакст). Некоторые художники-современники продолжили эту традицию под влиянием Бакста (Т. Н. Гиппиус, 1906; О. А. Флоренская, 1910-е и др.). В то же время некоторые критики называли Белого декадентом и писали сатирические статьи и пародии на его произведения, а многие художники рисовали карикатуры (С. М. Городецкий, 1900-е; Б. Е. Ефимов, 1932 и др.). В истории искусства сохранился образ Белого – вдохновенного лектора (Е. С. Кругликова, 1910-е; М. И. Цветаева, 1934) и Белого – философа и Человека-Творца (К. С. Петров-Водкин, 1932). Статья представляет также пародии и оценки современников и реакцию Андрея Белого на них.

Ключевые слова: Андрей Белый, символизм, литература первой половины XX в., Л. С. Бакст, Т. Н. Гиппиус, С. М. Городецкий, Б. Е. Ефимов, Е. С. Кругликова, К. С. Петров-Водкин, портреты, шаржи, пародии.

Е. V. Nasedkina

**Andrew Bely: Transformation of the Image in His Contemporaries' Eyes
(portraits, caricatures, parodies)**

The perception of the image of symbolist writer Andrey Bely by his contemporaries was changing since the beginning of the 20th century and up to the 1930-s. The given article deals with different images of Andrey Bely represented in his portraits painted by such artists as L. Bakst, S. Gorodetsky, E. Kruglikova, K. Petrov-Vodkin and in critical articles. His first portraits painted in 1905 and 1906 showed Bely as a famous symbolist writer (L. Bakst). Under the influence of L. Bakst this tradition was continued by some contemporary artists (T. Ghippius, 1906; O. Folorensky, 1910s and others). At the same time there were critics who called Bely a decadent, wrote satirical articles and parodies of his poetry, many artists drew cartoons (S. Gorodetsky, 1900s; B. Efimov, 1932). The History of Art keeps the image of Bely as an inspired speaker (E. Kruglikova, 1910; M. Tsvetaeva, 1934) and Bely as a philosopher and a Man-Creator (K. Petrov-Vodkin, 1932). The article also presents the parodies and evaluation contemporaries of A. Bely's work given by his contemporaries and Bely's reaction to them.

Keywords: Andrey Bely, symbolism, literature of the first half of the XX century, L. Bakst, T. Ghippius, S. Gorodetsky, B. Efimov, E. Kruglikova, K. Petrov-Vodkin, portraits, caricatures, parodies.

Историческая память избирательна и пристрастна. Сформировавшиеся в сознании потомков представления о бытовании того или иного явления, о жизни и творчестве известной личности далеко не всегда адекватно отражают взгляд его современников на это событие или человека, порой искажая до полной противоположности, возвышая или принижая его значение.

Известно, что имя Андрея Белого долгие годы после его смерти подлежало забвению. Редкие

упоминания связывали его имя с Александром Блоком, смутно намекали на неблагоприятную роль Белого в любовном треугольнике Блок – Белый – Любовь Менделеева, и этим, за редким исключением, интерес к Белому ограничивался. Выход в свет первого фундаментального сборника «Андрей Белый. Проблемы творчества» (М., 1988), посвященного исследованию различных аспектов жизни и творчества писателя, разрушил эту тенденцию и повернул исследовате-

лей лицом к этому противоречивому и многозначному персонажу Серебряного века.

Многочисленные биографические и аналитические исследования отмечают фатальное для последних дней жизни писателя значение критической оценки Л. Б. Каменевым новой (и последней вышедшей при жизни писателя) книги Белого «Начало века» (М., 1933). Во вступительной статье Каменев выносит ему убийственный приговор: «<...> писатель <...> проблуждал <...> на самых затхлых задворках истории, культуры и литературы» [11, с. III]. По общему убеждению друзей и близких Белого, статья Каменева спровоцировала третий и последний «удар» (инсульт) в ноябре 1933 г., после которого он уже не оправился. В декабре в тяжелом состоянии его положили в больницу, а 8 января 1934 г. он умер.

Грустная ирония судьбы состоит в том, что в некрологе Белому Каменев отдал дань умершему писателю и предрек ему долгую творческую жизнь: «Его книги не останутся бесплодно пылиться на полках библиотек, а будут сниматься с них и изучаться даже тогда, когда отраженная в них трагедия идеализма и индивидуализма станет для человечества давно прошедшим скверным сном» [10]. Стоит отметить: именно Каменев, по свидетельству тех же друзей [14], стал инициатором издания полного собрания стихотворений Белого в издательстве "Academia" в 1935 г. Проект не осуществился, но уже по независящим от Каменева причинам (он сам к этому времени пребывал в опале, а затем был смещен с поста руководителя издательством, впоследствии арестован и расстрелян).

Трагические последствия «пролетарской критики» ведущего культуртрегера страны сохранили в памяти (в мемуарах и научных исследованиях) именно этот эпизод из всей истории литературно-художественной полемики писателя-символиста и современной ему критики. Все остальное отошло в тень ввиду своей видимой незначительности. Однако это далеко не так, и незначительные на первый взгляд события при ближайшем рассмотрении оказываются важными и не случайными.

Вхождение Андрея Белого в литературу и существование на этом поприще в качестве признанного мастера-символиста не было безоблачным и на всем пути сопровождалось как серьезными критическими высказываниями собратьев по цеху, так и эскападами газетно-журнальных фельетонистов. Белый стал излюбленной моделью художников-карикуристов: на страницах

периодических изданий и в архивных материалах сохранилось немало дружеских шаржей и острых карикатур. Хронологические рамки – от начала XX в. до 1930-х гг. – позволяют рассматривать эти рисунки как исторические документы, раскрывающие трансформацию образа поэта-символиста в сознании современников от Серебряного века до эпохи строительства пролетарской культуры.

В настоящей статье мы успеем лишь бегло познакомиться с некоторыми из прижизненных портретов Андрея Белого, отразивших разные и противоречивые взгляды художников.

Самые известные из живописных изображений Андрея Белого – два портрета, выполненные Л. С. Бакстом в 1905–1906 гг. Первый портрет 1905 г. (погрудное фронтальное изображение; Государственная Третьяковская галерея) могли видеть многие современники: он экспонировался на выставке «Мира Искусства» в 1906 г. Белый воспринял портрет резко отрицательно, называл своим «позорищем» [1, с. 67] и был возмущен, что его внутреннее состояние («<...> боль и душевное расстройство <...> все во мне крик и надрыв» [2]) было откровенно выставлено на всеобщее обозрение. «Портрет кричал о том, что я декадент...», – вспоминал Белый [1, с. 63]. Однако художественная критика отреагировала иначе. К. Сюннерберг в журнале «Весы» особо отметил одухотворенность образа: «Бакст в этом году очень разнообразен <...>. Его "портрет Андрея Белого" притягивает своей одухотворенностью» [18].

В 1906 г. Бакст, выполняя серию портретов писателей по заказу журнала «Золотое руно», среди прочих создал еще один портрет Белого (поколенное изображение в рост; Государственный литературный музей). Художник создал строгий «парадный» портрет – изящное и стильное произведение. Именно таким многие современники Белого представляли себе облик поэта-символиста: «<...> длинный сюртук, бутоньерка, несколько накрахмаленный вид “приват-доцента” <...>» [13].

Новый портрет был напечатан в № 1 журнала «Золотое руно» за 1907 г., о чем Белый упоминает в мемуарах: «Кажусь оживленным, веселым и “светским”, <...> мужем с усами, с поднятой головой, как с эстрады» [1, с. 69].

На протяжении времени в зрительском восприятии оба портрета Бакста соединились в единый репрезентативный образ литератора-символиста.

Здесь необходимо отметить влияние найденного Бакстом образа на молодых художников, пытавшихся запечатлеть Андрея Белого. В 1905 г. студентка петербургской Академии художеств Т. Н. Гиппиус, сестра З. Н. Гиппиус и ученица И. Е. Репина [4], выполнила цветными карандашами портрет Белого (Мемориальная квартира Андрея Белого) [16]. Очевидно, что ее рисунок выполнен под впечатлением работы Бакста, которую она имела возможность наблюдать в доме Мережковских, где Т. Н. Гиппиус проживала и где проходили сеансы позирования Белого художнику.

Следующий, акварельный портрет Белого, выполненный сестрой о. Павла Флоренского О. А. Флоренской в начале 1900-х гг. [20; 22], очевидно, также испытал воздействие образа, созданного Бакстом. По всей видимости, именно так воспринимали романтически настроенные барышни-художницы поэта-символиста Белого. Говоря о последнем портрете, нельзя не отметить, что он – при всей серьезности замысла – балансирует на грани карикатуры. В данном случае некоторая шаржированность проявилась невольно – вероятно, вследствие неопытности юной художницы. Но тогда же появились и другие карикатуры, созданные авторами вполне осознанно.

Сразу после выхода в свет в 1902 г. «Симфонии 2-ой, драматической», прославившей имя нового писателя Андрея Белого, в печати появляются и первые критические отклики на нее, а затем Андрей Белый попадает под прицел критиков-пародистов и художников-карикатуристов. И те и другие в первую очередь обращали внимание на внешность Белого, его манеры, жесты, движения. Почти каждый мемуарист отметил его светящиеся глаза, золотой нимб волос и, конечно, необычную жестикуляцию и подвижность его облика. Красочное описание внешности оживляло записки мемуаристов, но значительно менее удавалось художникам. Подвижность лица и характерная пластика фигуры не только усложняли задачу художника, вознамерившегося создать портрет Белого, но и давали повод к заостренности образа, гротеску, зачастую граничившему с шаржем, тем самым понижавшим поставленную задачу. Но карикатуристам те же особенности служили благодатным материалом и давали повод для вдохновения: например, двойной шарж В. В. Каррика на В. Я. Брюсова и Андрея Белого (1904), с перефразированными строчками из Пушкина в качестве пояснительной

подписи: «То как зверь они завоюют, / То заплачут, как дитя».

Одновременно в периодических изданиях появляются литературные фельетоны, пародии и эпиграммы. В фельетоне под названием «Оргия», подписанном Lolo (наст. имя Леонид Григорьевич Мунштейн, 1867–1947), в газете «Новости дня» в 1903 г. напечатано одно из ранних сатирических изображений Белого [23]. Здесь «символист-новичок» Белый – один из участников литературной дискуссии, наряду с прославленными мэтрами В. Я. Брюсовым и К. Д. Бальмонтом.

Язык и стиль этого не самого острого фельетона, тем не менее, характерен для того шквала оскорблений, который обрушился на молодого поэта. Белый вспоминал в мемуарах «Между двух революций»: «<...> в газетах орали: “Собака весовская, бешеный, полусумасшедший, бездарный, испытаннейший скандалист”. <...> только и ждали удобного случая, чтоб доконать окончательно молодого писателя <...>» [1, с. 253].

Скандалы – излюбленная тема газетных юмористов, и Белый не раз становится героем всевозможных фельетонов. «<...> Превратив меня в скандалиста, убрали со сцены <...>» [1, с. 179], – жалуется он на критиков и обвиняет в том, что его перестали печатать в газетах и журналах. «<...> Окончилась быстро карьера газетчика, – сетует Белый, – <...> с 1908 года мое участие в газетах – всегда редкий эпизод <...>» [1, с. 227–228].

Конечно, Белый в запале преувеличивает: его имя не ушло окончательно со страниц периодики, но приобрело отчетливый скандальный оттенок. «Из “Раннего утра” теперь планомерно в годах меня ели до революции <...>» [1, с. 234], – небезосновательно утверждал Белый. Читатели газеты «Раннее утро» только в 1909 г. могли прочитать около десятка сатирических памфлетов-пародий, направленных против Белого. Самым последовательным преследователем поэта в этом издании был критик-сатирик М. М. Бескин.

Примером подобных нападков, обыгрывающих тему литературного скандала, может служить произведение штатного фельетониста «Русского листка» Р. А. Менделевича, скрывшегося за псевдонимом «Меч. Р.»:

*<...> Ах, не открыл Америк
Он в творчества часы!
Он декадент-истерик,*

*В руке его – «Весы».
В кружке литературном,
Поднял до визга тон, –
Себя скандалом бурным
Там «обессмертил» он!.. [15]*

В других фельетонах высмеивался не Белый – оратор и лектор, не Белый – оппонент и участник скандалов, а творчество писателя: пародируется стиль и приемы словотворчества, персонажи его романов. Каждая новая книга Андрея Белого получала свою порцию критики и насмешек.

Неординарная и переменчивая личность Андрея Белого порождала как пылких поклонников и сторонников, так и яростных противников и язвительных оппонентов. Естественно, чем шире и громче разрастается слава нового поэта, тем чаще среди восторженных откликов возникают критические голоса и недружественные отклики. Сатирические памфлеты перепевают и перелицовывают темы и мотивы новых произведений, художники увлеченно экспериментируют с трагизированием его образа.

В разное время художники по-разному видели и интерпретировали его внешний облик: от парадного образа поэта-символиста Л. С. Бакста до поздних карикатур советского времени, в которое этот неоднозначный персонаж эпохи по-прежнему привлекал художников.

Поэт С. М. Городецкий в 1900-е гг. под псевдонимом Крючек выполняет серию карикатур – «нерукотворных памятников» писателям-символистам, среди которых наибольшую известность получил портрет В. Я. Брюсова. Руководитель журнала «Весы» стоит на вершине пирамиды, составленной из пьедестала, стоящей на нем полки с книгами – по всей видимости, изданными издательством «Скорпион» (книжная полка отмечена знаком издательства) – и неустойчивым на вид венским стулом, на котором, сложив руки на груди, гордо воздвигся глава московских символистов.

На другом рисунке-«памятнике» Андрей Белый держит в руках огромный рукописный свиток, парусом уплывающий вниз (вероятно, здесь намек на юношеский «аргонавтизм» Белого) и завораживающийся под ноги стоящего на стопке книг поэта, вся эта шаткая конструкция опирается на спины Скорпиона и Грифа (выполненных в виде книжных марок одноименных издательств), под их ногами – подиум с именной табличкой «Андрею Белому».

Если портрет Бакста, по определению вдовы Белого К. Н. Бугаевой, критически восприни-

мавшей портреты мужа, – это «монумент в сюртуке» [17, с. 537], то карикатура Городецкого – антимомент, изящно прославляющий (как может показаться на первый взгляд) или (что вероятнее) остроумно развенчивающий славу поэта.

В годы активного советского строительства былая слава старого символиста потускнела, стерлась в сознании новой критики. В 1922 г. на страницах газеты «Правда» появилось обвинение, высказанное Л. Д. Троцким, в том, что Белый – «старорежимный, чуждый, крамольный автор» [19]. И вся последующая жизнь Белого в советской России проходила под знаком приговора, вынесенного Троцким: «Белый – покойник, и ни в каком духе он не воскреснет» [19].

Однако и в советское время критики-пародисты не оставляли вниманием Белого и особо отмечали его аффектированную жестикуюляцию. В. В. Казин, один из основателей литературной группы «Кузница», ученик Белого по литературной студии в Пролеткульте, посвящавший учителю восторженные строки, в 1919 г. напечатал в журнале «Гудки» эпиграмму:

*Все жесты, жесты у него.
От жестов вдохновенно-пьяный.
Не осмотреть ли нам его,
А вдруг и сам-то он жестяной?! [9]*

Предложение – «не осмотреть ли нам его» – симптоматично и в высказывании пролет-поэта Казина, как кажется, кроется отзвук давних эпиграмм начала XX в., в которых Белого часто представляли пациентом «желтого» дома. Однако в новой реальности подобное указание звучало значительно более опасно.

Среди многочисленных сатирических выступлений против писателя со стороны новой советской критики заметным явлением стал «дружеский шарж», помещенный в «Литературной газете» от 29 ноября 1932 г., выполненный политическим карикатуристом Б. Е. Ефимовым. Белый – в образе лектора перед публикой, в длинном сюртуке, с галстуком-бантом, с развевающими остатками былых кудрей и вытарашенными безумными глазами – изображен на фоне петербургского Адмиралтейства. Его фигура с раскинутыми в стороны руками зеркально повторена висящими в ночном небе летучими мышами с их перепончатыми лапами-крыльями. Сопровождающая престарелого оратора мрачная свита – отголосок каменевского предисловия к «Началу века», порождение, по выражению Каменева, «самых затхлых задворков истории, культуры и

литературы», где, «<...> гримасничают, хрюкают, похохатывают, действуют руками, ногами и тазом <...> персонажи Белого» [11, с. XV].

Подобные отклики встречаются и у других современников Белого. Так, М. А. Булгаков, отмеченный вниманием старого писателя и присутствовавший на чтении его нового романа «Маски», записывает в дневнике 16 января 1925 г.: «Белый в черной курточке. По-моему, нестерпимо ломается и паясничает» [6].

Другие равнодушные слушатели отмечают его «легкую, совсем не старческую фигуру», «его плавный, грациозный жест и необычайную манеру говорить, все время двигаясь и как бы танцуя» [7]. М. И. Цветаева пропела вдохновенный гимн Белому-лектору: «<...> в вечном сопроводительном танце сюртучных фалд <...>, старинный, изящный, изысканный, птичий – смесь магистра с фокусником, в двойном, тройном, четвертном танце: смыслов, слов, сюртучных ласточкиных фалд, ног, <...> души своего тела, с отдельной жизнью своей дирижерской спины <...>» [21].

Эту крылатость, бесплотность и многозначный танец удалось запечатлеть Е. С. Кругликовой в силуэте, который был напечатан в ее книге «Силуэты современников» в 1922 г. [12]. Это самый известный портрет поэта, в нем есть «формула и – одновременно – намек на незримое» – то, что, по мнению Э. Ф. Голлербаха, отличает идеальный силуэт [8]. При этом формула, найденная Кругликовой, перепевается авторами сатирических рисунков и сама подвергается шаржированию. Именно к Кругликовой апеллирует совсем не «дружеский», но очень выразительный шарж Ефимова.

Особое место в ряду прижизненной иконографии Белого занимает портрет 1932 г. работы К. С. Петрова-Водкина. Художник задумал написать групповой портрет советских писателей, но в процессе работы программный замысел трансформировался, персонажи на холсте менялись и в итоге остались три фигуры, объединенные не писательской профессией, не современностью, не социальными условиями, а иной категорией – творчеством. Итогом долгих поисков стала картина «Пушкин. Андрей Белый. Петров-Водкин». На холсте остались те, кто, как утверждал художник, «выдержал испытание певцов»: те, кого в своей незаконченной третьей книге мемуаров он называл «творцами», «мастерами ритма». Натурный портрет Белого 1932 г., легший в основу этой несохранившейся картины, К. Н. Бугаева

считала самым человечным, потому что Петров-Водкин «один рисовал не “Андрея Белого”, а человека – Бориса Николаевича» [17, с. 539]. Мнение жены, по всей видимости, не только разделял, но и сформулировал Белый. И это – высочайшая оценка в его шкале ценностей. Последние годы жизни все творческие и духовные поиски и человеческие контакты Белого проходили под знаком «Ищу человека»: «<...> я взял фонарь и несколько лет говорил о человеке, как *Человека Века*» [3].

Мы рассмотрели всего несколько примеров того, как менялось отношение современников к Андрею Белому на протяжении времени, но, как кажется, и на этом выборочном материале можно сделать некоторые выводы. Образ Андрея Белого в сознании современников – под воздействием литературной полемики, социальных и исторических изменений, а также личных пристрастий и предпочтений – трансформировался от парадного «монумента в сюртуке» к пародийному «антимонументу», от танцующего лектора-оратора к советскому писателю. И наиболее значительная дистанция (через всю его жизнь, через разные социально-исторические эпохи, через все «дружеские» шаржи и карикатуры) пролегла от условного образа Поэта, символиста и декадента к философски осмысленному образу Человека-Творца, что как нельзя больше соответствовало устремлениям и поискам самого Андрея Белого. Жизнь, познание и творчество, по мысли Белого, должны стремиться «в самосознание мысли, поступков и чувств. Все – как путь к одному <...>, – к полноте человека, к *Челу века* <...>. *Чело века* – как цель, как венец устремлений» [5].

Библиографический список

1. Белый, Андрей. Между двух революций [Текст] / Андрей Белый ; подгот. текста и коммент. А. В. Лаврова. – М., 1990.
2. Белый, Андрей. Письмо А. А. Блоку от 10 или 11 апреля 1906 г. [Текст] / Андрей Белый // Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919 / Публик., предисл. и коммент ; А. В. Лаврова. – М., 2001. – С. 281.
3. Белый, Андрей. Почему я стал символистом и почему не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития [Текст] / Андрей Белый ; сост., вступит. стат. и примеч. Л. А. Сугай // Андрей Белый. Символизм как миропонимание. – М., 1994. – С. 466.

4. Блок, А. А. Письма к Т. Н. Гиппиус [Текст] / А. А. Блок ; публ. С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. – Л., 1980. – С. 209–217.
5. Бугаева, К. Н. Воспоминания об Андрее Белом [Текст] / К. Н. Бугаева ; публ., предисл. и коммент. Дж. Малмстада. – М., 2001. – С. 42.
6. Булгаковы, Е. и М. Дневник Мастера и Маргариты [Текст] / Е. и М. Булгаковы ; сост., предисл., коммент. В. И. Лосева. – М., 2003. – С. 72–73.
7. Gladkov, A. Из попутных записей о Белом [Текст] / А. Gladkov // Воспоминания об Андрее Белом / сост. и вступит. стат. В. М. Пискунова. – М., 1995. – С. 491.
8. Голлербах, Э. Искусство силуэта [Текст] / Э. Голлербах // Москва. – 1922. – № 7. – С. 8.
9. Казин, В. «Все жесты, жесты у него» [Текст] / В. Казин // Гудки. – 1919. – № 2. – С. 18.
10. Каменев, Л. Б. Андрей Белый [Текст] / Л. Б. Каменев // Известия. – 1934. – 10 января.
11. Каменев, Л. Б. Предисловие [Текст] / Л. Б. Каменев // Белый, Андрей. Начало века. – М.; Л., 1933. – С. III, XV.
12. Кругликова, Е. Силуэты современников [Изоматериал] / Е. Кругликова. – [М.], 1922.
13. Кузьмин, Н. В. Андрей Белый [Текст] / Н. В. Кузьмин // Воспоминания об Андрее Белом / сост. и вступит. стат. В. М. Пискунова. – М., 1995. – С. 496.
14. Любимов, Н. М. Неувядаемый цвет: Книга воспоминаний [Текст] : в 3 т. Т. 2 / Н. М. Любимов. – М., 2004. – С. 25.
15. Меч, Р. Ба, знакомые все лица!.. (Опыт московской энциклопедии) [Текст] / Р. Меч // Раннее утро. – 1909. – 21 августа, вторник (№ 191). – С. 4.
16. Наседкина, Е. «Главная тема его неисчислимых мелодий...» (Андрей Белый в портретах и комментариях) [Текст] / Е. Наседкина // Наше Наследие. – 2005. – № 74. – С. 114–115.
17. Наседкина, Е. Иконография Андрея Белого в оценке К. Н. Бугаевой и портреты Н. А. Андреева [Текст] / Е. Наседкина // Андрей Белый в изменяющемся мире / сост. М. Л. Спивак, Е. В. Наседкина, И. Б. Делекторская. – М., 2008.
18. Сюннерберг, К. Выставка «Мира искусства» [Текст] / К. Сюннерберг // «Весы». – 1906. – № 3–4. – С. 66.
19. Троцкий, Л. Литература и революция [Текст] / Л. Троцкий // Правда. – 1922. – 1 октября (№ 221).
20. Флоренский, П., Шутова, Т. Три тысячи верст и четверть века пролегли между нами: О. А. Флоренская и ее корреспонденты [Текст] / П. Флоренский, Т. Шутова // Наше наследие. – 2006. – № 79–80. – С. 114–120.
21. Цветаева, М. И. Пленный дух [Текст] / М. И. Цветаева // Воспоминания об Андрее Белом / сост. и вступит. стат. В. М. Пискунова. – М., 1995. – С. 252.
22. Шутова, Т. А. Белые образы Серебряного века (О портрете Андрея Белого работы Ольги Флоренской) [Текст] / Т. А. Шутова // Миры Андрея Белого / сост. М. Спивак, К. Ичин, И. Делекторская, Е. Наседкина. – Белград ; М., 2011. – С. 766–777.
23. Lolo. Оргия [Текст] / Lolo // Новости дня. – 1903. – 21 марта / 3 апреля (№ 7107) – С. 3.

Bibliograficheski spisok

1. Belyj, Andrej. Mezhdv dvuh revoljucij [Tekst] / Andrej Belyj ; podgot. teksta i komment. A. V. Lavrova. – M., 1990.
2. Belyj, Andrej. Pis'mo A. A. Bloku ot 10 ili 11 aprelja 1906 g. [Tekst] / Andrej Belyj // Andrej Belyj i Aleksandr Blok. Perepiska. 1903–1919 / Publik., predisl. i komment ; A. V. Lavrova. – M., 2001. – S. 281.
3. Belyj, Andrej. Pochemu ja stal simvolistom i pochemu ne perestal im byt' vo vseh fazah moego idejnogo i hudozhestvennogo razvitija [Tekst] / Andrej Belyj ; sost., vstupit. stat. i primech. L. A. Sugaj // Andrej Belyj. Simvolizm kak miroponimanie. – M., 1994. – S. 466.
4. Blok, A. A. Pis'ma k T. N. Gippius [Tekst] / A. A. Blok ; publ. S. S. Grechishkina i A. V. Lavrova // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1978 god. – L., 1980. – S. 209–217.
5. Bugaeva, K. N. Vospominanija ob Andree Belom [Tekst] / K. N. Bugaeva ; publ., predisl. i komment. Dzh. Malmstada. – M., 2001. – S. 42.
6. Bulgakovy, E. i M. Dnevnik Mastera i Margarity [Tekst] / E. i M. Bulgakovy ; sost., predisl., komment. V. I. Loseva. – M., 2003. – S. 72–73.
7. Gladkov, A. Iz poputnyh zapisej o Belom [Tekst] / A. Gladkov // Vospominanija ob Andree Belom / sost. i vstupit. stat. V. M. Piskunova. – M., 1995. – S. 491.

8. Gollerbah, Je. Iskusstvo silujeta [Tekst] / Je. Gollerbah // Moskva. – 1922. – № 7. – S. 8.
9. Kazin, V. «Vse zhesty, zhesty u nego» [Tekst] / V. Kazin // Gudki. – 1919. – № 2. – S. 18.
10. Kamenev, L. B. Andrej Belyj [Tekst] / L. B. Kamenev // Izvestija. – 1934. – 10 janvarja.
11. Kamenev, L. B. Predislovie [Tekst] / L. B. Kamenev // Belyj, Andrej. Nachalo veka. – M.; L., 1933. – S. III, XV.
12. Kruglikova, E. Silujety sovremennikov [Izomaterial] / E. Kruglikova. – [M.], 1922.
13. Kuz'min, N. V. Andrej Belyj [Tekst] / N. V. Kuz'min // Vospominanija ob Andree Belom / sost. i vstupit. stat. V. M. Piskunova. – M., 1995. – S. 496.
14. Ljubimov, N. M. Neuvjadaemyj cvet: Kniga vospominanij [Tekst] : v 3 t. T. 2 / N. M. Ljubimov. – M., 2004. – S. 25.
15. Mech, R. Ba, znakomye vse lica!.. (Opyt moskovskoj jenciklopedii) [Tekst] / R. Mech // Rannee utro. – 1909. – 21 avgusta, vtornik (№ 191). – S. 4.
16. Nasedkina, E. «"Glavnaja tema ego neischislmyh melodij..." (Andrej Belyj v portretah i kommentarijah)» [Tekst] / E. Nasedkina // Nashe Nasledie. – 2005. – № 74. – S. 114–115.
17. Nasedkina, E. Ikonografija Andreja Belogo v ocenke K. N. Bugaevoj i portrety N. A. Andreeva [Tekst] / E. Nasedkina // Andrej Belyj v izmenjajushhemsja mire / sost. M. L. Spivak, E. V. Nasedkina, I. B. Delektorskaja. – M., 2008.
18. Sjunnerberg, K. Vystavka «Mira iskusstva» [Tekst] / K. Sjunnerberg // «Vesy». – 1906. – № 3–4. – S. 66.
19. Trockij, L. Literatura i revoljucija [Tekst] / L. Trockij // Pravda. – 1922. – 1 oktjabrja (№ 221).
20. Florenskij, P., Shutova, T. Tri tysjachi verst i chetvert' veka prolegli mezhdru nami: O. A. Florenskaja i ee korrespondenty [Tekst] / P. Florenskij, T. Shutova // Nashe nasledie. – 2006. – № 79–80. – S. 114–120.
21. Cvetaeva, M. I. Plennyj duh [Tekst] / M. I. Cvetaeva // Vospominanija ob Andree Belom / sost. i vstupit. stat. V. M. Piskunova. – M., 1995. – S. 252.
22. Shutova, T. A. Belye obrazy Serebrjanogo veka (O portrete Andreja Belogo raboty Ol'gi Florenskoj) [Tekst] / T. A. Shutova // Miry Andreja Belogo / sost. M. Spivak, K. Ichin, I. Delektorskaja, E. Nasedkina. – Belgrad; M., 2011. – S. 766–777.
23. Lolo. Orgija [Tekst] / Lolo // Novosti dnja. – 1903. – 21 marta / 3 aprelja (№ 7107) – S. 3.